

Клуб рассказчиков

Аглаида ЛОЙ

ЖИВОТНОЕ

Скучно

Сентябрь выдался. на редкость теплым и ласковым; листву деревьев едва тронула желтизна, а в голубом прозрачном воздухе носились серебряные паутинки. На выходные Аленкины предки смылись на дачу, и теперь их просторная квартира в престижном доме с окнами на сквер полностью принадлежала молодежи. Вечер пятницы – святое, можно оттянуться по полной программе. Отец Аленки принадлежал к местной чиновничьей элите, что когда-то весьма льстило Алексу, а теперь было по барабану: какая к черту разница, где служит ее папахен?

Врубили громкую музыку, разместились вокруг журнального столика, на котором эффектно были расставлены Иркины коктейли, рецепты которых она якобы привезла с Капри, хотя на самом деле, либо подсмотрела в телевизоре, либо вычитала в дамском журнале: девочка обожает выпендриваться. Коктейли оказались крепкими и оригинальными на вкус, так что уже после второго – настроение Алекса поползло вверх, несмотря на привычный депрессняк.

Пять лет назад, преисполненный самых радужных надежд, он впервые

отправился поступать в столичный Театральный институт, где срезался на первом же туре. Он тогда страшно психовал, обвиняя вступительную комиссию во всех смертных грехах – да и как было не обвинять, когда его, такого замечательного и талантливоего, в чем он был глубоко убежден с самого детства, не соизволили даже пропустить во второй тур! Тогда он довел себя до нервного срыва и пару месяцев посещал психотерапевта, пока окончательно не пришел в себя. Однако через год он опять поехал в Москву и подал документы в Щукинское училище. И снова неудача. Вот тут-то у него окончательно «снесло крышу»; он пустился во все тяжкие: пил, кололся, нюхал всякую дрянь. Хотелось забыться, вытравить из себя весь накопившийся негатив, вернуться к себе прежнему, уверенному и самодостаточному. Но расхожую истину «время лечит» пока еще никто не отменял, и через пару лет он не только смог «собрать себя вместе», но даже обрел былую самоуверенность и устроился менеджером в молодежную труппу, рискнувшую самостоятельно плыть по волнам антрепризы. Мысленно он поклялся, что предпримет еще только одну, последнюю, попытку прорваться в артисты и если потерпит фиаско, похоронит свою мечту навсегда.

Позвонили во входную дверь, это

подтянулись Ленка с Вадимом. Они составили пару сравнительно недавно; три года назад Ленка была подругой Алекса, но они довольно быстро разбежались: им было смертельно скучно вдвоем. Ленка человек не театральный, корчит из себя светскую львицу — как же, папенька бизнесмен. Неунывающая Ленка срочно переключилась сначала на Толика, а теперь — на Вадима. Алекс стал тесно общаться с Сереженькой, который скоро стал раздражать его излишней манерностью и страстью к женскому макияжу. Тогда он бросил и его и близко сошелся с Антоном. С Антоном все было иначе. Их связывала не только интимная близость, но и стремление стать актерами, приобщиться к высокому искусству. Они познакомились на вступительных экзаменах в местное Театральное училище. Эта была та самая последняя попытка, которой Алекс придавал судьбоносное значение. И когда снова потерпел фиаско, почувствовал себя совершенно опустошенным. Недавно ему стукнуло двадцать пять, будущее не сулило ничего хорошего: просто череда однообразных безрадостных дней. Что-то у него внутри перегорело, он не узнавал сам себя. Романтик с горящими глазами бесследно исчез, оставив в душе только злость и обиду на весь мир. Копошашиеся вокруг людишки представлялись ему примитивными и тусклыми, как и вся их мышьяная возня: стремление добиться успеха, разбогатеть, выгодно жениться, получить хорошую должность.

Алекс бросил ревнивый взгляд на сидевшего напротив Антона. Этому все-таки легче — ему исполнилось двадцать два — все еще впереди. И хотя Антон считался его близким приятелем, их дружба всегда носила односторонний характер: Антон смотрел снизу вверх на более талантливого, по его мнению, Алекса, к тому же, происходившего из актерской семьи: мать Алекса была известной в городе драматической актрисой. Быть может, именно поэтому она сразу заявила сыну, что помогать с поступлением не будет. Во-первых, потому что не видит у него яркого дарования, но это бы еще Бог с ним! А во-вторых, и это главное, ему с его характером просто не выжить в театральной среде: сожрут, и не подавятся. И когда, войдя в зал Театрального училища, где заседала приемная комиссия, он увидел за столом заклятую подругу своей матери, тоже известную актрису, то мгновенно понял, что на артистической карьере

можно ставить жирный крест. Антон тоже дважды поступал в местную «театралку» и дважды провалился. Его родители не принадлежали к театральному миру: мать — медсестра, отец — мастер на заводе. Свою дружбу с Алексом, который вращался в божественных кругах, он воспринимал как подарок судьбы и старался во всем ему подражать, копируя стиль одежды, манеру поведения и привычки, даже дурные. Его откровенное обожание поначалу льстило Алексу, но со временем просто осточертело. Антон же, кажется, искренне его любил, и готов был на любые унижения, лишь бы находиться рядом с предметом своего поклонения.

Коктейли развязали языки, в гостиной сделалось шумно и как-то вымороченно весело. Во всяком случае, так казалось Алексу. Он наблюдал за собравшимися словно со стороны. Аленка, которая уже успела побывать в постели с Вадимом и Борисом, теперь сделала стойку на Мишу — и что она в нем нашла? — хотя, может, ё...рь он качественный, к тому же, денежный перец. Ирка недавно положила глаз на Бориса, а перед этим спала с Мишей. В их тесной компашке, кажется, все уже перепробовали всех, умудрившись при этом сохранить нормальные отношения. Ничего странного в этом не было. Секс и есть секс. Спорт номер один. Выпили, покурили травки, трахнулись, разбежались. Просто, как три рубля. И — никаких обязательств.

Все было как всегда. Девушки смеялись над сомнительными остротами и периодически бегали поправлять макияж. Аленка повисла на Мише и утащила его в спальню, откуда вскоре раздались характерные стоны и всхлипывания. Виски закончился — неужели уже столько выпили? Бориса, который заявился последним, и еще не догнал, снарядили в соседний супермаркет, потому что он еще сравнительно твердо держался на ногах. Стоило ему уйти, как градус веселья резко понизился. Ирка откинулась в кресле, Антон молча тянул свой коктейль, Вадим вышел на лоджию, растянулся в шезлонге и закурил. Ленка попыталась было затеять ссору с Ирккой, но та только отмахнулась, и она скользнула на лоджию и удобно устроилась на коленях у Вадима.

Алекс чувствовал, как внутри у него нарастают нервное напряжение и неуправляемая злоба — признаки того, что пора «поправиться», благо, таблетки были с собой. Он пристрастился к ним после первой неудачи с поступлением.

Был уверен, что в любой момент усилением воли сможет отказаться от дурной привычки, но со временем отчетливо осознал, что самому ему не справиться. Игра обернулась жестокой зависимостью, и это порой доводило его до иступления.

— Всё одно и то же, все одни и те же... — Произнесла вдруг Ирка и широко зевнула. — Скучно, господа!

— А что ты предлагаешь — чтобы мы перед тобой чечетку отплясывали? — саркастически поинтересовался Алекс. — Я лично — пас. Может, ты, Антошка спляшешь?

Антон посмотрел на него с мольбой, как больная собака. Он чувствовал, что наскучил Алексу и тот с трудом выносит его присутствие, и это было мучительно.

— Ну чего уставился? Спляши, раз девушка просит!

— Алекс, прекрати, — вмешалась Ирка. — Я же просто так.

— Ну отчего же? — Алекс уже не мог остановиться, его вдруг обуяла дикая ненависть к Антону и вообще ко всему на свете. — Вот перед нами красивый молодой человек... Ты красив Антон, не спорь! Ему тоже скучно. А может, и не скучно. Потому что он знает: сейчас вернется Борис с бутылкой, мы нажремся до поросычьего визга и завалимся в постель. Не-ет, ему не скучно. Чтобы испытывать скуку, нужна тонкая душевная организация. У тебя тонкая душевная организация, Антошка? Тебе скучно?

— Да, мне скучно. Ты даже не представляешь, насколько, — с надрывом отозвался Антон. — Хоть вешайся!

— Хватит болтать, — прервала его Ирка. — Хладного трупа нам не хватает. Ой, не могу! — вдруг оживилась она. — Представляете, Аленка выходит из спальни, а он висит... Алекс, вообрази ее физиономию, — и она расхохоталась

Алекс невольно ухмыльнулся.

— Что ж, продолжим веселье, — очень спокойно произнес Антон, поднимаясь.

— Эй, ты куда? — всполошилась Ирка.

— В ванную. Вешаться.

— Не истери. Надоело. — Поморщился Алекс.

Антон пожал плечами и направился в ванную.

— Алекс, а вдруг он вправду того... — озабоченно сказала Ирка.

— Ни черта он не сделает, — раздраженно махнул рукой Алекс. — Хочет быть в центре внимания. Сейчас умоется

и придет. — Он прибавил звук музыкального центра, чтобы заглушить страстные стоны в соседней комнате, и откинулся в кресле. Ирка успокоилась, прикрыла глаза и кивала в такт музыкальному ритму.

Наконец возвратился Борис с двумя бутылками виски. Все оживились. Ирка бодро взялась готовить коктейли. Борис заглянул на балкон — Вадим сладко спал в шезлонге. Не буди его, он спростонья дурной, сказала Ленка, щелчком отправляя окурки сигареты на пожухлый газон. Снова собрались у стола. Музыка убавили, чтобы не мешать беседе. Алекс вышел в прихожую, достал из сумки пузырек с таблетками, парочку кинул в рот и прошел в кухню запить водой из-под крана. На обратном пути притормозил возле ванной и толкнул дверь — она была заперта изнутри. Кретин, со злостью прошипел он, нашел время паясничать! Его охватила неконтролируемая злоба, он принялся громко стучать и звать Антона. Прибежали Борис с Иркой. Втроем принялись барабанить в запертую дверь. Изнутри не отзывались. Перепуганная Ирка вытащила Аленку из постели и с трудом втолковала ей, в чем дело. Когда парни вскрыли дверь топором, Антон уже был мертв. Он повесился на шнуре от цветной занавески для ванны, примотав ее к трубе. У девчонок началась истерика. Потом прибыла полиция, и пришлось объясняться с молодым лейтенантом по поводу случившегося. Короткое следствие пришло к выводу, что причиной суицида стало крушение надежд на поступление в Театральное училище, которое ввергло Антона в глухую депрессию. Такая версия устраивала всех и, в сущности, была не далека от истины. Да и родители Аленки приложили все усилия, чтобы поскорее замять дело.

На кладбище молодые люди держались обособленной кучкой и старались не встречаться глазами, все чувствовали себя виноватыми. Мать Антона рыдала в голос, обнимала гроб и пыталась спрыгнуть в могилу. Ирка с Аленкой тихонько плакали. Миша, Борис и Вадим изо всех сил сдерживали слезы. Ленка вообще не появилась, сказавшись больной. Алекс отстраненно наблюдал происходящее. Казалось, он смотрит плохой спектакль на сцене провинциального театра: слишком картинно страдает мать, переигрывает убитый горем отец, нарочито скорбят родственники. А ритуал захоронения все длился и длился... В последние дни резко похолодало, из серых низких туч то и дело сыпала снежная крупа, шур-

ша по опавшим листьям. Алекс замерз. Отчаянно хотелось домой, в тепло. Он прислушался к себе и не обнаружил в душе ничего, кроме безликой скуки. Похороны оказались на удивление нудным и бездарным мероприятием.

Животное

На шестой год гайдаровских реформ село Отрадное пришло в окончательный упадок. Если первые два-три года люди еще верили, что все, наконец, образуется и там, наверху, о них вспомнят и надумают что-нибудь путное, то теперь даже деревенскому дурачку Фильке с непреложной ясностью стало очевидно, что все, наступил полный кердык и каждый должен думать и заботиться о себе сам. А как заботиться, если сравнительно зажиточный, по прежним меркам, совхоз, чьим отделением когда-то было Отрадное, приказал долго жить? Поля, прежде ходившие золотыми волнами пшеницы с картины то ли Левитана, то ли Шишкина (говорят, в этих местах и писали они свои картины), поросли бурьяном, а кое-где уже и кустарник в рост пошел, скрывая собой утиченное людьми безобразие.

От фермы, на которой работали младшие Сидоркины, тоже осталось одно воспоминание, вернее, кирпичные стены, — остальное разобрали и растащили по домам (в хозяйстве, понятное дело, все сгодится) наиболее расторопные местные после того, как часть скота пала от бескормицы, а другую срочно пустили под нож, чтобы хоть какие-то деньги выручить. Деньги, наверное, все же выручили. У бывшего начальства, ставшего фермерами, появилась собственная, хоть и бэушная техника, большинство же, как водится, гарантированно получило шиш с маслом.

Пока была жива Степанида Ивановна, мать Пашки, прежде работавшего скотником на ферме, где Нинка была дояркой, жизнь еще худо-бедно продолжалась. Сажали огород, даже кабачка откармливали. К тому же, хоть и нерегулярно, но пенсию она получала, так что как-то выкручивались. Но когда она в одночасье померла от сердца — хозяйство за год пришло в упадок, а, лишенные строгого родительского ока, Пашка с Нинкой пустились во все тяжкие. Не то чтобы они стремились к такой вот вольной жизни, все получилась как-то само собой. Понятное дело, молодые, хочется

погулять, а если хочется, так и бутылка всегда найдется. Ну а выпьешь — и жизнь представляется вроде бы ничего, и на душе весело, и кажется, что все скоро наладится и вернется на круги своя.

И вот тут-то неожиданно для себя (и не думала об этом) Нинка забеременела. Ну и черт с ним! Чем она хуже других? Все рожают. Да и как-то все уже ей было по фигу. Живот рос сам по себе, она жила сама по себе. Пашке тоже было все по фигу. Что ни день — кто-нибудь непременно в гости забредет, огурчиков на закуску притащит, а то и колбаски прихватит, или консервы какие. Бутылка тоже всегда найдется. Бабка Митрофаниха самогон гонит, и Петровна (только к ней идти дальше), и Никитична опять же. Им, дело понятное, тоже жить надо, дети в городе, от некоторых ни слуху ни духу, а кто нынче без бутылки огород вскопает или крышу починит?

Родила Нинка легко, пьяная была, так что, можно сказать, под наркозом. Позвали Митрофаниху, она медсестра бывшая, — так и родила Нинка Сашку на двадцать шестом году своей непутевой жизни. На дворе тогда стояла поздняя осень, грязница непролазная, дождь со снегом. Все равно в райцентр не успела бы добраться, — к ним в Отрадное ни одна машина по раскисшей дороге не пройдет, разве что танк или БТР, ну а трактор для такого дела кто нынче даст?

Ну, родила и родила — дело житейское!

На следующее утро заявили Мишка со Светкой отметить событие, потом и другие подтянулись, так что гуляли неделю, или больше, кто теперь вспомнит? Дождь, слякоть, тоска... Чего в такую гадскую погоду еще делать? Без бутылки никто в гости не придет, да еще чего-нибудь на закуску прихватит, а картошка своя, так что с голоду не пухнут.

Пока Сашка грудь сосал, вроде и проблем не было. А когда месяца через четыре подрос, видно, молока Нинкиного хватать не стало, и орать начал. Пожрет, поспит малость — и потом вопит непрерывно. Тут еще молоко у Нинки, как назло, разом пропало. Может, по пьянке перегорело, кто знает. Ну и пихает ему что ни попадя. Пожует сама — и в рот младенцу. Сашка чавкает, глотает, давится, потом снова вопит, то ли опять есть просит, то ли животом мается. Достал всех. Сидит народ, душевно общается, а тут мелкий со своим непрерывным ором. Нинка однажды не выдержала, засунула Сашку в кладовку, чтобы не слышать, как

младенец заливаётся, да и забыла про него по пьяному делу, а потом вовсе вырубилась, больно уж крепкая самогонка в тот раз попалась. Хотя, может, и не в самогонке дело — Нинка уже от пары стаканов отключаться стала. Свалится под стол, если до кровати не добрела, и храпит, как мужик, а то еще и лужу напустит. Пашка ее за это периодически поколачивал, да что толку! Как нажрется, так сначала к нему с нежностями пристаёт, а после вырубается и ни черта потом не помнит.

Сашка лежал в кладовке на ворохе старых тряпок и отчаянно кричал. Часа через три он охрип, перестал орать и только тихонько поскуливал и всхлипывал. Мурка, обычная дымчато-серая кошка с белой грудкой, каких сотни тысяч в деревенских домах по всей России (куда в деревне без кошки? — мыши все припасы пожрут), которая дремала, свернувшись клубком возле остывающей печи, дождалась, пока пьяные хозяева уgomонятся, и бесшумно пролезла под дверь кладовки. На днях Нинка утопила ее новорожденных котят в помойном ведре, и сейчас материнский инстинкт настойчиво толкал ее к исходившему криком человеческому котенку, почему-то брошенному матерью. Грязный и замурзанный Сашка уже почти не всхлипывал, только периодически поскуливал. Всем своим кошачьим нутром Мурка ощутила его страх и одиночество и принялась тщательно вылизывать. От прикосновения ее жесткого языка малыш сначала снова заплакал, но потом присутствие подле него живого существа, заботящегося о нем, как-то сразу его успокоило, и затих. Кошка вытянулась рядом с младенцем, прижалась к нему и громко замурлыкала. От ее тела исходило тепло. Сашка ощутил покой и защищенность, его ручки ухватились за кошачью шерсть, и Мурка, как котенка, головой подтолкнула его головку к своим набухшим соскам. Ребенок поерзал лицом по ее животу, нащупал сосок и стал жадно сосать кошачье молоко. Кошка ласково лизала его виски и тонкую шейку: ей было хорошо, — она усыновила маленького человечка.

Раньше, при Степаниде Ивановне, Мурке жилось вольготно. Ей наливали в миску молоко, суп, кидали оставшиеся от обеда куски. Спала она всегда у нее в ногах. Но когда старой хозяйки не стало, кошке пришлось заботиться о себе самой. Она ловила мышей и крыс.

Впрочем, крыс никогда не ела, а только давила. Летом охотилась на лягушек, птиц и другую мелкую живность, даже у пруда рыбачить наловчилась, таская с мелководья мелкую рыбешку. Забегала и в соседние дома позажиточнее, оставляла на крыльце убитых мышей и крыс, за что ее, крысоловку (не каждая кошка способна удавить крысу) часто подкармливали и всячески приваживали. Особенно нравилось Мурке у бабки Макарихи, старой подруги и по молодости соперницы Степаниды. Бабка Макариха кошек жаловала. У нее жили в довольстве и сытости аж три кошки, и когда осиротевшая Мурка подкатывалась к ней под ноги и громко мурчала, исполняя свои кошачьи песни, та наклонялась и гладила ее, что-то ласково приговаривая, и приглашала в дом угоститься чем-нибудь вкусеньким. Бабка Макариха уважала Мурку за ее охотничьи подвиги и всячески хотела к себе переманить, ее-то кошки окончательно обнаглели, даже мышей ловить не хотели. Но Мурка все еще была привязана к дому, в котором выросла, и в котором ей так хорошо жилось при Степаниде Ивановне, а потому есть-то у Макарихи ела, выражая ей свою кошачью признательность тем, что терлась возле ее ног, но окончательно переселяться не спешила.

С того именно дня крохотный Сашка обрел настоящую преданную мать. В отличие от вечно пьяной Нинки кошка Мурка надолго его никогда не оставляла.

Сашка рос не по дням, а по часам, и с каждым месяцем забот у Мурки прибывало: большой котенок требовал все больше пищи. Мурка добывала еду, где только могла. Таскала куски из собачьих мисок, приносила вкусные кусочки от Макарихи или кляничла у продавщицы Нюры в продовольственном магазине. Жалостливая женщина порой кидала ей кусочки колбасы или сосисок, которые кошка сама не ела, а тащила через все село Сашке. Если Нинка была в себе и Сашка накормлен, то кошка лакомилась этими подачками сама. Но все чаще и чаще голодный Сашка либо ползал по полу, либо сидел в темной кладовке, куда Мурка и приносила ему еду, которую человеческий детеныш с жадностью поедал. Если пьяная компания уже спала, Мурка тащила со стола все съедобное в кладовку и, сделав несколько заходов и более-менее накормив ребенка, вылизывала его и засыпала рядом или накрыв своим телом, словно пушистым теплым одеялом.

К концу лета подросший Сашка уже вовсю ползал по двору, иногда пытаясь встать на ножки и пройти несколько шагов. Мурка почти всегда была рядом. Она учила своего подросшего котенка охотничьим навыкам, чтобы он смог выжить и сам добыть себе пропитание, но тот был на редкость неловким для такого большого детеныша, и ей приходилось постоянно искать для него пищу. К тому же Сашка наотрез отказывался есть мышей и пойманных ею птиц и лягушек.

Когда полупьяная Нинка вспоминала про ребенка, она кормила, ласкала и мыла его, но стоило появиться очередным собутыльникам, как Сашку вновь запирали в кладовке, чтобы не мешался под ногами, — и забывали там порой на несколько дней. И только верная Мурка снова и снова пролазила под дверь, чтобы накормить и вылизать своего большого котенка. Подрастающий Сашка, который не представлял себе другой жизни, прекрасно понимал ее без слов, все более и более перенимая привычки и повадки своей кошачьей мамы. Так, к двум годам он научился царапаться, кусаться и шипеть, как разъяренный кот, когда его пытались приласкать незнакомые люди. А еще через год в случае опасности ловко и быстро вскарабкался на дерево и оттуда рычал на обидчика.

Кто-то из соседей, наконец, заметил, что с Сашкой творится что-то неладное, и сообразил позвонить в школу, находившуюся на центральной усадьбе развалившегося совхоза. Недели через три в Нинкином доме появились представители педагогической общественности, и волосы у них, что называется, встали дыбом: Сашка, как обычно, был заперт в кладовке, а пьяные родители лыка не вязали. Когда же кладовку открыли и попытались взять ребенка на руки, — тот шипел и царапался, как дикий кот, а рядом бегала дымчато-серая кошка и тревожно мяукала.

Еще через две недели из райцентра прибыли представители отдела по опеке и попечительству. Перепуганный Сашка ловко вскарабкался на дерево, откуда его с большим трудом сняли — ребенок шипел и кусался изо всех сил, но потом, когда ему дали кусок булки, немного успокоился, с жадностью принялся есть и почти перестал сопротивляться. Однако яростно зашипел и исцарапал женщину-инспектора, когда та попыталась погладить его по голове.

В это время Мурка попрошайничала возле магазина, но вдруг, почуяв нелад-

ное, со всех ног бросилась к дому. Она заскочила во двор в то момент, когда Сашку снимали с дерева. Жалобно замыкая, кошка подбежала ближе, — но что она могла сделать?.. Она понимала, что большого котенка забирают. И забирают навсегда. Но на уровне инстинкта знала, что опасность ему не угрожает и что все происходящее — это хорошо. Наконец ребенка посадили в машину и увезли. Пьяная Нинка (Пашка так и не прочухался еще после вчерашнего и дрых на полу) обливалась горячими слезами и даже попыталась рвать на себе волосы, но потом вернулась в дом, обнаружила недопитую бутылку самогона и бурная радость по этому поводу разом вытеснила у нее из головы горькие мысли; стараясь не расплескать ни капли, дрожащими руками она вылила остатки самогонки в стакан, жадно выпила и почти сразу же отключилась.

Сначала Мурка обеспокоенно металась по двору, потом забежала в запахнутую настежь дверь и проверила, нет ли Сашки в кладовке?.. Потом опять выскочила во двор и призывно замыкала. Большой котенок не появлялся. Тогда кошка устроилась на завалинке и стала ждать. Почти три дня Мурка провела возле дома, ожидая, не появится ли снова большой котенок. Она тосковала по нему и ничего не ела. Приходили и уходили какие-то люди, пьяная Нинка жаловалась им на свою несчастную судьбу и на то, что у нее забрали сына. Все это время кошка ждала. На третьи сутки она, наконец, поняла, что большой котенок уже никогда не вернется. Тогда Мурка мягко спрыгнула с завалинки и огляделась: в этом доме ее больше ничто не удерживало. Перескочив скособоченный плетень, кошка устремилась к дому Макарихи. Она знала: там ей будут рады.

Смотри.ru

Как многие весьма пожилые люди, а ему недавно исполнилось семьдесят пять, Андрей Семенович страдал бессонницей. Вот и той ночью, будучи не в состоянии заснуть и стараясь отвлечься от невеселых мыслей, он включил телевизор на минимальный звук и принялся щелкать дистанционным выключателем, переходя с канала на канал в надежде найти что-либо для себя приемлемое. Каналов их кабельная сеть предоставля-

ла аж сорок четыре, но, как назло, ни на что интересное набрести не удавалось. Неожиданно он обнаружил неизвестный прежде канал «Смотри.ru», которого раньше не было в списке. Появлению нового канала он не слишком обрадовался: компания «Орион» нередко заменяла транслируемые по кабельным сетям программы, вероятно, в стремлении увеличить зрительскую аудиторию.

Вообще-то, он предпочитал советские фильмы, снятые добротнo, с талантливыми актерами, которые играли «с психологией» и «по-настоящему», в отличие от современных фильмов и сериалов, в которых актерская игра граничила с плохой самодеятельностью и не только не захватывала, но напротив, раздражала даже такого неприятельного зрителя, каким считал себя Андрей Семенович. Боевики он не любил, в них было много крови и мало реалистичности. Фэнтези резонно считал детскими сказками. Ну а авторское кино, по его мнению, вообще существовало не для зрителей, а для режиссеров и критиков, и было сплошным выпендрежем.

Если появление нового канала насколько не удивило Андрея Семеновича, то содержание вызвало недоумение и даже раздражение. Дело в том, что канал был документальным. Не для документальных фильмов, а просто-напросто документальным. В некоторых местах городка были поставлены видеокамеры, которые нон-стоп транслировали происходящее прямо ему в телевизор. Перед глазами возникали то площадь возле Балтийского вокзала, то перекресток улиц Соборной и Карла Маркса, то небольшая площадка перед «Пятерочкой», потом появились Въезд, площадь перед Варшавским вокзалом, еще какое-то место, которое он никак не мог определить...

Затем показалась Андрею Семеновичу абсурдной, ведь он и так мог увидеть все это собственными глазами, — стоит ли тратить на это целый канал! В сердцах он обругал чертов «Орион», который никогда не советуется с собственными зрителями, и переключился на «Смотри», где как раз начали показывать французскую мелодраму. Французские фильмы он уважал, они были почти такими же психологически достоверными, как когда-то советские.

В своей прежней, советской, жизни Андрей Семенович был инженером-проектировщиком и служил в закрытом ящике, работавшем на оборону. Инже-

нером он был хорошим, хотя и не выдающимся, человеком уравновешенным и вполне довольным своей жизнью. Но потом началась перестройка, реформы — и все полетело в тартарары вместе с секретнейшим ящиком, в котором он работал. В новое время ему вписаться так и не удалось. Доработал до пенсии на консервном заводике, производившем жестяные банки, а потом посвятил свой досуг садоводству и огородничеству, благо, у них с женой был участок с домиком и колодцем. Этот участок и помог им выстоять в 90-е годы, иначе просто бы с голоду померли. Ни он, ни его супруга не отличались житейской хваткой в добывании материальных благ, слишком уж оба были порядочные и совестливые.

Но годы шли, и лихие, вернее, бандитские, 90-е сменились нулевыми; стали выплачивать пенсии, давать какие-то пусть небольшие льготы, так что неприятельный Андрей Семенович решил, что жизнь налаживается — да и много ли им вдвоем с супругой надобно? Дети к этому времени уже вылетели из их семейного гнезда и успели свить собственные: дочка проживала с мужем и двумя внуками в Питере, а сын, офицер-подводник, с женой и внучкой во Владивостоке. Жить бы да радоваться, но тут его супруга, которая стойко держалась все тяжелые годы, внезапно занемогла и за неделю ушла из жизни. Это был страшный удар для Андрея Семеновича — вместе они прожили почти сорок лет. Он вообще не представлял себе жизни без своей Лидочки. Однако с судьбой не поспоришь. Случилось то, что случилось. Конечно, дети собрались на похороны, дочка и на девять дней приезжала с мужем и старшим внуком, и на сороковины, поминали любимую мамочку. А потом Андрей Семенович остался один. Вот тогда-то ему пришлось худо. Все казалось, что в соседней комнате ворочается в постели жена. Даже слышал ее шаги по ночам. И плакал от отчаяния и одиночества. А потом привык. Часто посещал ее могилку, поставил памятник, обустроил цветничок, разговаривал, будто с живой, глядя на фотографию, выполненную на эмали. За десять прошедших лет он постепенно свыкся с собственной потерей и одиночеством. Вот только бессонница мучила.

После смерти жены он совершенно ушел в себя. Дочь пыталась вывести его из этого состояния, хотела даже перевезти в Петербург, чтобы был поближе. Однако он мягко, но твердо заявил, что

пока способен сам себя обслуживать, поэтому хочет жить в своем городке, посещать могилу Лидочки и вообще ей не о чем беспокоиться — он взрослый и самостоятельный человек. Потеряв интерес к жизни и окружавшим его людям, он неожиданно для самого себя увлекся наблюдениями за природой. Часами бродил с фотоаппаратом по громадному и не слишком ухоженному парку, следил за повадками обитавших здесь мелких зверушек и гнездившихся на озерах птиц, а потом делал записи в своем «Дневнике природы». Ночами смотрел телевизор, ожидая прихода долгожданного сна, и старательно гнал от себя мысли о прожитой жизни и современных реалиях. Он не понимал и не принимал народившейся вокруг действительности. Погоня за чистоганом, на котором базировался новый российский капитализм, представлялась ему верхом падения человека, победой материального над духовным. Он старался не думать об этом, философски воспринимать происходящее и незаметно вернулся в своем мировоззрении к стихийному дзен-буддизму, которым увлекался в молодые годы. «Жизнь такова, какова она есть, и больше не какова...»

Прошло совсем немного времени, и Андрей Семенович не просто привык, но прямо-таки пристрастился к необычному каналу. Причиной тому, вероятно, было его одиночество. Изюм в день наблюдая телевизионную жизнь своего городка, он постепенно начинал принимать эту жизнь, незаметно срастаясь с нею, становясь ее неотъемлемой частью. У него не только появились излюбленные места, за происходящим в которых он следил с неослабевающим интересом, но даже любимые персонажи. Теперь он зачастую включал «Смотри» не только в бессонные ночные часы, но и в дневное время.

Попав в объектив камер наблюдения, каждодневная обыденная жизнь странным образом преображалась, становилась интересней и значительней. Городские улицы, парки и дворы там выглядели красочными и ухоженными, а люди — веселыми и довольными. Скоро у него даже появились своеобразные знакомые, за которых он переживал и радовался, если все у них складывалось хорошо. По утрам они спешили на работу, вечером возвращались домой. Женщины, как правило, заходили в магазины и тащили пакеты и сумки. Мужчины любили побаловать себя бутылочкой пива, стараясь прикончить ее

до прихода домой. Эти мелкие мужские хитрости искренне веселили Андрея Семеновича. Нравилось ему наблюдать и за молодыми мамашами с колясками, которые чинно шествовали на прогулку в парк. Но особенно умиляли влюбленные парочки, по вечерам в обнимку гулявшие в любую погоду. Молодые люди напоминали сомнамбул. Периодически они останавливались и страстно целовались, не обращая внимания на окружающих. И хотя Андрей Семенович с Лидочкой никогда не позволял себе подобных вольностей, раскрепощенность современной молодежи чем-то ему импонировала.

Он придумывал имена своим виртуальным знакомым, сочинял им биографии, додумывал их личную жизнь вне камер наблюдения. Иногда ему удавалось подсмотреть настоящие драмы. Когда Олег (так он мысленно окрестил высокого мужчину лет тридцати пяти) вдруг перестал встречаться возле кафе с Леной (их постоянное место свиданий), Андрей Семенович даже расстроился — они так хорошо смотрелись вместе. Дней через десять они встретились вновь, и она плакала и в чем-то упрекала его, и тут вдруг к ним подбежала другая женщина, вероятно, его жена и, яростно крича, влепила Лене пощечину. Лена в отчаянии схватилась за голову и бросилась бежать. Олег устремился было за ней, но жена вцепилась ему в рукав мертвой хваткой и остановила. Это было захватывающее зрелище — Андрей Семенович просто не мог оторваться от экрана.

Прошло несколько месяцев, и Андрей Семенович окончательно подсел на «Смотри». Реальная действительность отошла для него на второй план, сделалась какой-то размытой и ненастоящей; ее место заняла телевизионная картинка. Его годами налаженная жизнь теперь представлялась ему бессмысленной, тусклой и однообразной, тогда как на экране все смотрелось совершенно иначе, ярче и привлекательней. Люди там выглядели добрыми и дружелюбными. Дома казались более новыми, цветники пышными и ухоженными, дворы с радужными скамейками заботливо обустроенными — так и тянуло посидеть на удобной скамейке, глядя на цветущую сирень и ни о чем не думая. Вперившись в экран, Андрей Семенович порой испытывал страстное желание оказаться в этом другом мире. Это был его мир: добрый, красивый и в чем-то сказочный.

Однажды ночью, привычно страдая бессонницей, он неотрывно наблюдал

картинки из жизни своего городка по «Смотри» и внезапно увидел, что происходит что-то необычное: зеленоватый свет, исходящий от телеэкрана, сделался интенсивнее и словно бы гуще, и заполнил собой все пространство комнаты, отчего воздух в ней стал фосфоресцировать. И вдруг Андрей Семенович понял, что больше не существует барьера между его комнатой и экранным миром; его страстное желание исполнилось. Он сел на диване, нашарил босыми ногами тапки, поднялся во весь рост — и, не задумываясь, шагнул туда.

Следователь, к которому обратилась дочь пропавшего Андрея Семеновича, был человеком обстоятельным. Он скрупулезно опросил соседей по подъезду, обзвонил все районные больницы и морги, но исчезнувший пенсионер, как в воду канул. Причем, вся его одежда, в которой он мог выйти на улицу, по словам дочери, осталась в запертой квартире, так что уйти он мог разве что в тренировочных старых штанах и домашних тапочках, что выглядело более чем странно. Тем более что случай этот за последний год был уже четвертым. Одинокие пожилые люди таинственно и совершенно бесследно исчезали из запертых изнутри квартир.

Единственное реальное объяснение,

вытекающее из всех этих фактов: в городке орудует банда черных ризлторов, которая охотится за квартирами стариков. Однако, как ни бился следователь, пытаясь найти хотя бы одну зацепку, чтобы раскрутить это подозрительное дело, этого ему не удалось. Новых владельцев квартир со стороны не объявлялось, на имущество, кроме родственников, никто не претендовал. Да и родственники, которых он также досконально проверил, выглядели убитыми горем и пребывали в полной растерянности.

Толкование же случившемуся, которое удалось получить от соседки Андрея Семеновича, некой Агриппины Юрьевны, проживавшей этажом выше, выглядело и вовсе фантастически. Впрочем, следователь все же внимательно ее выслушал, хотя вынужден был списать подобные домыслы на весьма почтенный возраст дамы. Агриппина Юрьевна с полной убежденностью доказывала, что ее сосед вовсе и не пропал, а, по ее собственному выражению, «ушел в телевизор». Будто бы она неоднократно беседовала с ним на эту тему, и он утверждал, что там лучше, чем здесь. Более того, беспокоиться о нем не стоит, потому что на днях она лично видела его в телевизоре. Выглядел он довольным и счастливым и даже приветственно помахал ей рукой.
